

В ПОСЛЕДНЕМ ПОДПОЛЬЕ

После июльских дней Ленин был объявлен Временным правительством вне закона. Большие деньги обещал Керенский за его выдачу. В эти дни Владимир Ильич вынужден был скрываться у рабочих. На квартире, где прежде он жил, несколько раз производились тщательные обыски.

Оставаться в Петрограде Владимиру Ильичу с каждым днем становилось все опаснее и опаснее. ЦК партии решил укрыть Ленина в более надежном месте, нужно было сберечь Владимира Ильича во что бы то ни стало.

Я жил в отдельном домике на станции Разлив. Ко мне приехал доверенный ЦК, которого я хорошо знал по Сестрорецкому заводу. Он сказал:

— Товарищ Емельянов, Центральным Комитетом тебе поручено укрыть Ленина.

— Очень рад,— ответил я. И сейчас же меня охватило тревожное чувство ответственности: сберечь Ленина! Я сказал:

— Скрою, но сейчас еще не знаю как!

— Хорошенько об этом подумай.

Он уехал. Я начал советоваться с женой. Она тоже была членом партии. Скрывать Владимира Ильича в доме — опасно. Кругом дачники. Почти одновременно нам пришла мысль: жители Разлива часто нанимали финнов косить сено за озером. Мы и решили под видом нанятого косаря поселить Ленина в шалаше за озером.

Назавтра приехал доверенный ЦК. Я доложил ему свой план.

— Ловко придумано! — согласился он.

Вскоре он снова был у меня и сообщил, что ЦК одобрил мое предложение. Возник вопрос, как безопаснее перевезти Ленина из Петрограда в Разлив.

— Лучше всего поездом, который идет в два часа ночи,— предложил я.— На нем обычно едет разношерстная, загулявшаяся допоздна публика. Его так и зовут — «пьяный поезд». На нем безопаснее всего.

Договорились и о других подробностях. Вечером 11 (24) июля¹ я поехал в Петроград. Тогда в Петрограде конечная станция

¹ Это было в ночь с 9 на 10 (с 22 на 23) июля 1917 г. Ред.

Приморской железной дороги была в Новой Деревне. Я заранее купил три билета. В зале ожидания и на перроне было много дезертиров, они могли навлечь облаву. Я решил провести Ленина через товарные ворота. Нужно было пробираться под товарным составом, стоящим на рельсах, но зато этот путь к поезду был самый безопасный.

В условленное время я встретил В. И. Ленина и сопровождавших его И. В. Сталина и С. Я. Аллилуева у Большой Невки.

Владимир Ильич шепнул мне:

— Идите вперед, показывайте дорогу.

Выбранным заранее путем я привел их к поезду. Товарищи одними глазами попрощались с Лениным, и вскоре поезд тронулся. Владимир Ильич сел на подножку вагона.

— Ведь так можно упасть.

— Я нарочно сел,— ответил он.— В случае чего — соскочу!

Мой дом — в пяти минутах ходьбы от станции Разлив. По дороге Владимир Ильич спросил, как зовут мою жену.

— Надежда Кондратьевна.

Вот и дом. Вошли. Ленин поздоровался с женой и сказал:

— Надежда Кондратьевна, прошу вас никому обо мне не говорить. Абсолютно никому! И не защищайте меня в разговорах и не спорьте обо мне...

Жена уверила Ленина, что она знает правила конспирации и дети тоже знают. Ленин спросил, сколько у меня детей.

— Семеро.

Он узнал, как кого зовут, и познакомился с ними.

Из кухни на сеновал вела лесенка. На сеновале я поставил стол, стул. Постель Владимиру Ильичу устроили прямо на душистом сене. Там Ленину жить даже нравилось, но обстановка была тревожной. Дачники да и соседи — народ любопытный. А на случай, как говорит пословица, немного надо! Нужно было торопиться перевозить Владимира Ильича за озеро, но для этого требовалось заарендовать сенокосный участок, построить шалаш, перевезти туда все необходимое — одним словом, подготовиться так, чтобы и комар носа не подточил. На это у меня ушло несколько дней. К Ленину приезжали члены ЦК. В первый раз жена (я был за озером) не хотела допустить их к Ленину, она не знала в лицо двух приехавших товарищам. Но потом установили пароль.

Когда все за озером было готово, Владимира Ильича на лодке переправили через озеро и поселили в шалаше. Довольно неказистое сооружение из веток, покрытых сеном, оно стояло на том месте, где теперь установлен гранитный памятник Ленину «Шалаш». Художники иногда рисуют Владимира Ильича сидящим на пне возле шалаша. На самом деле было несколько не так. Ленину для работы рядом с шалашом, в густом кустарнике, я расчистил небольшую площадку, напоминавшую собой беседку из живого кустарника. Пня там не было. Стоял чурбан, служивший табуреткой. Возле шалаша была устроена кухня, на кольях висел котелок.

Донимали комары, особенно ночью. Укрыться от них было невозможно. Но с этим приходилось мириться. Пишу и газеты на лодке привозили жена или сын. Газет Владимир Ильич получал много: все, какие только выпускались тогда. Чтобы не вызвать подозрений покупкой большого их количества, между сыновьями было распределено, кому какие газеты доставать.

Помню, в газетах встречались заметки, описывающие, каким образом Ленин скрылся за границу: фигурировали и подводные лодки, и аэропланы. Верным было только одно: водой, но не на подводной лодке, а на простой, двухвесельной был совершен его переход. Читая подобные заметки, Владимир Ильич от души смеялся и называл буржуазных писак «гороховыми шутами».

Ленин очень много работал — читал, писал. К нему часто приезжали товарищи. Два раза был Сталин, несколько раз бывал Орджоникидзе. Навещали Владимира Ильича Дзержинский и Свердлов. Скромный шалаш на берегу Разлива был подлинным штабом революции.

Время шло. Подступала осень. Все чаще и чаще стали поливать дожди.

Постепенно становилось все холоднее и холоднее. Жена привезла из дома почти всю теплую одежду, но и это почти не спасало нас от холода и сырости. Да и слухи стали распространяться разные: Ленин под видом слесаря скрывается на Сестрорецком заводе, Ленин укрылся в Курорте и т. п.

Пора было искать для Владимира Ильича новое место, более надежное и безопасное. ЦК решил переправить Ленина в Финляндию.

Рабочие Сестрорецкого завода, жившие в Райволе, имели пропуска для переезда границы. Как работающий по изобретательству, депутат Совета и староста, я мог входить в кабинет начальника завода Дмитриевского. На столе у него я заметил пропуска за его подписью. Пришел пораньше. Карабульный был мне хорошо знаком. Со стола начальника я взял пять пропусков и принес их Ленину. Он выбрал один, с фамилией Иванов. Владимира Ильича загrimировали, надели на голову парик. Приехал Д. И. Лещенко и сфотографировал его. Знакомый гравер искусно дорисовал на фотографии печать¹.

Дали пропуск Ленину. Он смотрел-смотрел — не подкопаешься.

— Да, хорошо! Молодцы!

¹ В хранящейся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС рукописи воспоминаний Н. А. Емельянова «Ильич в Разливе» этот факт освещен иначе. «По совету Ильича,— вспоминал Николай Александрович,— я нашел знакомого рабочего-слесаря, который в военном комиссариате разносил еду арестованным. После долгих уговоров он вскрыл стол своего начальника и вытащил печать. Мы поставили ее на фотографию. Теперь пропуск был оформлен по всем правилам и инструкциям». Ред.

Теперь оставалось лесом добраться до Финляндской железной дороги, затем поездом доставить Владимира Ильича в Петроград, а оттуда под видом кочегара переправить в Финляндию. Это было поручено сделать финским большевикам.

В день отъезда Владимира Ильича в Петроград мы поджидали товарища из ЦК. За кустами показался человек.

— Кто там идет? — спросил Владимир Ильич.

— Сосед.

— Зачем?

— Да, наверное, вас нанимать косить. Уж очень хороший стог сена у вас.

Подошел сосед, поздоровался.

— Это кто косил у тебя?

— Да финн.

— По-русски говорит?

— Нет.

— А пойдет ли он поработать ко мне?

— Нет, и не зови.

— Жалко. Я сам хвораю, а сын не может работать. Надо искать косаря...

Сосед ушел. Владимир Ильич встал и с обычной шутливостью сказал:

— Спасибо, Николай Александрович, что меня в батраки не отдал!

Вечером Владимир Ильич, я и приехавшие за ним товарищи через лес пешком пошли к Финляндской железной дороге. Было темно. Вышли мы к станции Дибуны, сели на скамейку. Ленин, строго соблюдавший правила конспирации, и здесь был верен себе. Он тотчас встал и сказал:

— Всем сидеть на скамейке нельзя. Двоим надо спрятаться в кусты.

Эта предосторожность оказалась далеко не излишней. Только Ленин с товарищем Рахья успели скрыться, как из помещения станции вышел человек с шашкой на боку. Осмотрев перрон, он направился к нам:

— Ваши документы?

У товарища оказалось удостоверение служащего Финляндской железной дороги.

— А у тебя есть удостоверение? — спросил он у меня.

— Только рабочий номер Сестрорецкого завода.

— А зачем ты здесь так поздно?

— А разве нельзя?

Я уже сообразил, что это офицер контрразведки, и понял, какая опасность грозит Ленину. «Моя вина, моя оплошность, что заранее не осмотрел станцию», — подумал я и решил любыми средствами отвлечь внимание офицера от поезда, который пойдет на Петроград.

— Иди за мной! — скомандовал офицер.

- А зачем мне идти?
- Иди! — он взял меня за руку.

В комнате было много штатских и гимназистов, вооруженных винтовками.

Офицер сел за стол. Я тоже уселся, небрежно развались.

- Говори, кто ты?

- Да я рабочий Сестрорецкого завода.

- Рабочий? А ведешь себя как! Встать! Обыскать его!

Мне в пути Ленин дал депутатский билет одного товарища-петроградца для передачи ему. Билет этот я выбросить не успел.

- Да ты большевик!

- Билет этот не мой. Я работаю и живу в Сестрорецке.

- Загадка... Сколько лет на заводе работаешь?

- Сорок лет.

- Тогда все начальство должен знать. Говори по фамилиям.

Я перечислил всех, даже чиновников, а стрелка на часах ползет медленно. Решил уже ударить офицера, чтобы вызвать скандал, заварить кашу и выиграть время. Но случай выручил меня.

Вдруг офицер спросил:

- А кто старший врач завода?

- Гречин. Ох и взяточник он!

Офицер вскочил разъяренный.

- Как ты смеешь, негодяй, оскорблять моего дядю!

Подошел поезд. Офицеру доложили об этом. Но он ни на что не обращал внимания. Сел, стал писать и в мою сторону прошипел: «Я тебя расстреляю!»

Приоткрылась дверь, и в щели я узнал лицо товарища. Значит, Владимир Ильич, вероятно, уже в поезде.

Пока офицер писал, подошел второй поезд, идущий из Петрограда. Под дулом револьвера меня вывели на перрон и заперли в вагон. На ходу я решил не прыгать. Надеялся, что товарищи в Сестрорецке меня выручат.

В Белоострове в вагон зашел унтер-офицер Смирнов — хороший мой знакомый. Он входил в состав нашего Сестрорецкого Совета.

- Ты как, товарищ Емельянов, попал сюда?

- Ваше начальство арестовало.

Он открыл дверь вагона:

- Беги!

Домой я пробрался потихоньку и сразу же лег спать. Я очень устал от всего. Разбудил меня крик. Вижу, моя жена плачет: «Что наделали, что наделали!»

Оказалось, пришла наша связная. Она не видела, что я сплю, и сказала обо мне:

- Его арестовали, но он, кажется, ушел.

Жена, подумав, что речь идет о Ленине, не выдержала и начала причитать. Я вскочил с кровати — и все разъяснилось.

Потом пришло радостное известие: Ленин благополучно перебрался в Финляндию!

Вскоре к нам в Разлив приехала Надежда Константиновна. Ей необходимо было увидеть Владимира Ильича, а для этого надо было достать пропуск через границу в Финляндию. Знакомый мне писарь в Райволе изготовил такой пропуск, дал его на подпись старшине и скрепил печатью. Надежда Константиновна тоже благополучно переехала границу как сестрорецкая работница, уроженка Райволы Агафья Атаманова¹.

*Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине. В 5-ти т. Изд. 3-е. М., 1984,
т. 2, с. 410—415*

¹ В рукописи «Ильич в Разливе» обстоятельства получения пропуска для Н. К. Крупской изложены следующим образом: «Пропуска для тех, кто не работал на заводе, но жил в Райволе, выдавал волостной старosta. Надежда Кондратьевна взялась у него достать пропуск через его жену, с которой была знакома. Пропуск выправлен на имя моей тетки Агафьи Атамановой, кстати сказать, за месяц перед тем умершей в Райволе. Надежда Кондратьевна объяснила старосте, что пропуск нашей тетеньке нужен по семейным делам». Ред.